

63.3(4)
С75
СА-399717

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БЫТ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БЫТ

Под редакцией **О. А. Добиаш-Рождественской,**
Г. П. Федотова, А. И. Хоментовской

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2023

СА-399417

Содержание

Авторский коллектив	6
От редакции	7
Феодалный быт в хронике Ламберта Ардрского (Г. Федотов)	9
Турниры в Италии на исходе средних веков (М. Гуковский)	36
Лукка времен купеческой династии Гуиниджи (А. Хоментовская)	54
Парижский Малый Мост (М. Тиханова-Клименко)	76
Черты сельского быта во французском городе (Н. Анциферов)	98
Спор о границах приходов (С. Ушаков)	106
Ирландские эмигранты в средние века (М. Шайтан)	117
Школьная жизнь в Париже XII века (Вс. Бахтин)	134
Из жизни мастерских письма (преимущественно на французском Севере) (О. Добиаш-Рождественская) ...	151
Об одном средневековом «курорте» (Е. Скржинская)	168
Петух на готическом соборе (А. Стефанович)	176

От редакции

Участники настоящего сборника поставили себе двойную задачу: почтить, по доброму обычаю, своего учителя хотя бы скромным даром оригинальных научных работ, вышедших — в широком смысле — из его школы, прямо или косвенно связанных с его учительским влиянием, и дать читателю-неспециалисту доступный и интересный материал, связанный единством темы. Двойственность этой задачи, продиктованная причинами объективного характера, обязала нас к нелегким жертвам.

С одной стороны, единство темы (или общий бытовой уклон тем) и эпохи (классическое средневековье в рамках XII—XIII веков) заставило многих из нас дать не лучшие опыты из своей научной мастерской. С другой, — необходимость отказаться от научного аппарата цитат и ссылок скрыла характер самостоятельных исследований, которые стоят за большинством этих маленьких работ.

Но и массовый читатель, в интересах которого определена эта постановка, может остаться неудовлетворенным как слишком специальным содержанием некоторых тем, так и отсутствием полноты в сборнике, посвященном средневековому быту. Мы первые, конечно, чувствуем пробелы, вызванные отсутствием таких основной важности тем, как средневековая деревня, цех, монастырь. В оправдание мы можем сказать, что мы поставили целью дать — хотя и в широкодоступной форме — самостоятельные исследования. А такие работы не пишутся по заказу.

Мы полагаем все же, что круг захваченных нами вопросов достаточно широк, распространяясь на весьма разнообразные области средневековой культуры. Читатель найдет здесь в порядке расположения материала ряд монографических этюдов, посвященных феодальному и рыцарскому быту, городу в его хозяйственной и культурной жизни, быту церковному, просвещению и искусству. Педагог и лектор в своей работе популяризации научных завоеваний для широких масс получит добро-

совестно проработанный и свежий материал из первых рук, в значительной мере впервые попадающий в литературный оборот.

В этом мотиве — на фоне повелительной необходимости всегда и всюду двигать культуру научного исследования — заключается оправдание этой книги.

Мы верим, что и дорогой учитель, которому она посвящена, не посетует на нас за вынужденно-скромный — слишком скромный — характер нашего признательного дара.

1925

Феодалный быт в хронике Ламберта Ардрского (Г. Федотов)

I

Феодалный быт изучается обычно по героическому эпосу и рыцарским романам. Латинская хроника дает для него лишь скудный материал. Ее авторы, монахи и клирики, обнаруживают слишком мало понимания и сочувствия к внутренней жизни светского общества, с которыми постоянно сталкиваются их идеалы вселенского мира или интересы их колокольной. Оно рисуется им преимущественно как разрушительная, беспокойная сила, с трудом обуздываемая и воспитываемая церковью. С другой стороны, победоносная монархия создавала национальное государство в вековой борьбе с тем же феодалным миром. Почти вся средневековая историография вдохновляется врагами феодалного общества и заражает своими настроениями и современного историка. Сам этот побежденный мир остается немым и безответным. Конечно, эпос отразил его идеалы; его материальный быт воссоздается по романам. Но сложность «эстетических отношений искусства и действительности» мешает историку пользоваться романом для изображения общего уклада жизни.

Понятен интерес, с которым мы обращаемся к немногочисленным хроникам, посвященным истории отдельных феодальных княжеств. Но здесь нас чаще всего ожидает разочарование. В большинстве случаев, если это не простая генеалогия, смысл такого произведения политический, и предмет его изображения — государство, хотя бы и примитивного, «феодалного» типа. Такие княжества, как Фландрия или Нормандия, имеющие свою сравнительно обширную и интересную историографию, прежде всего — государства. Обуздание феодалной стихии

Турниры в Италии на исходе средних веков (М. Гуковский)

Par saint Gille,
Viens-nous-en
Mon agile
Alezan,
Viens, écoute,
Par la route
Voir la joute Du roi Jean.

V. Hugo

I

Даже в самом общем представлении о средних веках турниры — рыцарские военные забавы — несомненно занимают значительное место. В них рыцарство проявляется со своей показной стороны во всем блеске столь экзотического для нас боевого наряда, в ореоле беззаветной храбрости и силы, но без кровавой реальности настоящей войны — реальности, не скрываемой даже в отдалении семи веков. Как всякие празднества, турниры должны были служить рекламой, средством прославления своих устроителей, и они прекрасно исполнили возложенную на них задачу, являясь до сих пор одной из приманок, привлекающих внимание если не к своим героям, то к своей эпохе.

Но будучи психологически привлекательным красочным пятном, турниры, как и всякая часть исторически бывшей действительности, имели свою историческую плоть, живые и иногда мелкие детали осуществления. Их рассмотрение, подчас в ущерб той прелести, которой обладает немного расплывчатый романтический образ, создает образ более яркий, осязаемый, живой, а потому более близкий и понятный.

Если мы попытаемся таким путем понять и оживить картину, которая смутно представляется при произнесении слова

«турнир», то первое, что мы увидим, будет несоответствие между значением этого слова в его обыденном, современном употреблении и его исторически правильным значением. В этом последнем турнир — всего только один из видов различных воинских упражнений, — на почве Италии, притом далеко не самый главный. Поэтому и настоящий очерк, в заглавии которого стоит слово «турниры», совершает в целях общепонятности некоторое историческое злоупотребление, так как темой его являются вообще все главнейшие виды воинских упражнений Италии XIII и XIV веков.

Когда и как возникли воинские упражнения в Европе — неизвестно. Весьма вероятно, что в той или иной форме они существовали всегда; однако специфическое оформление, начало дифференциации на определенные виды и национальные особенности, характерные для средних веков, можно отметить во всей Европе только в XII—XIII веках. К этому времени намечаются три основных типа воинских упражнений: 1) сражение двумя партиями — *турнир* (франц. *tournois*, нем. *Turnier*) в собственном смысле слова, 2) ряд поединков один на один — *джостра* (франц. *joute*, нем. *Tjost*) и, наконец, 3) маневрирование с оружием в руках — *багордо* (франц. *bohourd*, нем. *Buhurt*). Во Франции и Германии до XV века, несомненно, главным видом, — собственно, единственным настоящим — был турнир: стычка двух групп; поединки один на один — джостры — встречаются здесь часто, но они обычно составляют или вступление к настоящему турниру, подготовительные индивидуальные упражнения, отнюдь не принадлежащие к праздничной программе, или же заключение после турнира. «Багордо» же — особый вид маневрирования — вне Италии встречается сравнительно редко. Совсем иначе представляется дело на итальянской почве: несомненно, что уже в течение XII века в Италии устраиваются разные воинские упражнения — например, известный кровавый турнир между рыцарями Кремоны и Пьяченцы в 1158 году; однако настоящее развитие они получают здесь только позднее, в XIII веке, и с этого момента живут своей особой жизнью до полного умирания в конце XVI века. К сожалению, воинские упражнения именно на итальянской почве начиная с конца XVIII века (со времени классического труда Муратори «Итальянские средневековые древности») и до сих пор не служили темой научного исследования. (Исключение составляет книга Труффи «Джостры и их певцы», не имеющаяся в Ленинграде

Лукка времен купеческой династии Гуиниджи (А. Хоментовская)

Около 1400 года на села и деревни подвластной Лукке территории — *contado* — нападали еще волки, а за огнем там ходили к соседям.

Улицы города ночью тоже были небезопасны, и гражданам тогда выходить не разрешалось. В этой старой Лукке, производившей и имя свое от *lux* — света, света учения Христова, которым она будто воссияла первая из тосканских городов, в Лукке, считавшей себя спасенной от наводнений р. Серкио молитвой епископа своего Фреддиано, по старому обычаю продолжали в день праздника св. Мартина, что отдал нищему свою мантию, возлагать на его конную статую в соборе богатый плащ, короновать «Святой лик» (*Volto Santo*), древнее чтимое с X века распятие, царской короной, как царя царствующих, а также чеканить монету с его изображением. По новому обычаю с 1368 года 13 апреля праздновали военным смотром и бегам с традиционной в итальянских городах раздачей победного знамени (*palio*) праздник свободы — уничтожения ига соседних пизанцев, которые, по словам луккской хроники Серкамби, угнетали своих подданных хуже, чем иудеев. Но та же Лукка с XIII века была одним из центров ткацкой промышленности и торговли в Тоскане. Славилась и расходилась ее шелка и парчи, которые ткались из иноземного сырца, получавшегося с востока, из Ломбардии и Калабрии. Вкус к роскоши, которого не могли обуздать никакие законы, никакие *legge suntuarie*¹, проявлялся тогда в Европе прежде всего безумными тратами на наряды и не только женские, и Лукка должна была и могла удовлетворить в отношении качества товаров самым строгим

¹ Сумптуарные законы (лат.) — законы против излишней роскоши. — Прим. изд.

Парижский Малый Мост (М. Тиханова-Клименко)

...Pons autem Parvus aut pretereuntibus aut spatiantibus aut disputantibus logicis dedicatus est.

(...Малый же Мост предоставлен проходящим по нему, гуляющим или спорящим логикам.)

Письмо Ги де Базош

Настоящий очерк имеет целью, не вдаваясь в анализ экономических и юридических отношений, связанных с Парижским Малым Мостом, — собрать факты, данные в источниках, в общую бытовую картину жизни моста и его окружения в XII—XIII веках.

Современный горожанин мыслит городской мост как перекинутую через воду, открытую с обеих сторон дорогу, широкую и светлую, которая обслуживает городское движение. Не то было в средние, а отчасти и в новые века, когда мост, одна из лучших улиц города, тесно застроенная домами и лавками, был средоточием жизни города. Развитое уличное движение сообщало ему особенное значение, стягивая на него разнородный людской поток. Но он становился также местом торговых сделок, биржи, суда, таможней города, собирая, как в фокусе, черты городского целого и рельефно оттеняя характерные моменты его быта.

Эти особенности очень ярко сказались в той артерии средневекового Парижа, какой был Малый Мост.

Перекинутый через южный, меньший рукав Сены, он получил свое имя, в отличие от Большого Моста, соединявшего остров, *Cité*, с правым берегом реки. Сюда, к Малому Мосту, подходили дороги, связывавшие Париж с земледельческими округами Франции: Шампанью, Туренью и др., — богатые дары которых питали Париж. Его не мог миновать и тот поток паломничеств, который направлялся на юг: в Испанию — к Сан-

тьяго-де-Компостела, в Италию — к реликвиям Вечного Города и даже за моря — в Палестину. До конца XIV века Малый Мост был единственной артерией, связывавшей левый берег с островом и затем с правобережным Парижем. То, что он, по словам его средневекового биографа, «смотрит на левый берег», где начиная с XII века расцветут парижские школы, где разовьется университет и сосредоточится умственная жизнь города, должно было наложить на этот отрезок северо-южной магистрали города особый отпечаток, сохраняемый им и поныне. Единственный, как отмечено выше, путь с левого берега в центр города, он не мог в то же время не испытывать воздействия шумной хозяйственно-торговой жизни, которая бурлила и кипела на правом берегу, вокруг больших парижских рынков. Причудливое сочетание разнородных сторон средневекового Парижа должно было придать своеобразный облик этому уголку.

Отсюда и тот интерес, который он приобретает для исследователя, в особенности в XII—XIII веках — период определения Парижа, творчески-созидательные годы его истории: когда медленное развитие города, характеризовавшее предыдущие века, сменяется быстрым, интенсивным ростом городской территории, ее объединением и оформлением; к XIV веку этот процесс уже завершен. Нам представляется в высокой степени интересным снять бытовую карту этого уголка в такой богатый жизнью период, проследив, между прочим, насколько он сохранил и в XIII столетии — в век громадного подъема хозяйственной мощи Парижа — тот особенный характер, который усвоил ему XII век, и насколько он, введенный в общий поток городской жизни, перестал быть мирным приютом клириков и школяров, каким явился на заре ученого расцвета Парижа.

I

Малый Парижский Мост (*Parvus Pons* — латинских текстов, в раннюю эпоху *Pons Minor*, *Petit Pont* — французских) находится и сейчас на том же месте, как и в далекие галло-римские времена, являясь естественным продолжением большой, первоначально галльской, а потом римской дороги из Орлеана через Париж на север в Бове, Санлис — дороги, которая именно здесь подходила к Сене (современная *rue St. Jacques*). Свое продолжение он находил в перерезывавшей остров (*Cité*) улице — она

Черты сельского быта во французском городе (Н. Анциферов)

I

При слове «средневековой город» в воображении воскресает привычный образ. Ров и стены ограждают его от остального мира. Внутри ограды ютятся дома с крутыми крышами, тесно прижавшись друг к другу. В высоту поднимаются своды величественных соборов. Через реку крытый мост. На замкнутых площадях фонтаны-статуи. Ратуша и на ее башне затейливые часы. В узких и кривых улицах слышны удары молота в мастерских оружейника. Порой шумные собрания перед ратушей с их иногда грозными подробностями мятежей и кровопролитных схваток. А в час вечерний — колокольный звон дрожит в воздухе, звон *angelus'a*, и, заглушенные стеной, слышатся звуки органа. На холме господствует над всем городом грозный замок — его страж и владыка.

Таким сложился образ города конца средних веков. Таким мы видели его на потемневших картинах старых мастеров. Но этот образ не связан с землей, и нет в нем того воздуха, которым дышал средневековый город.

Мы вчитываемся в хартию, октроированную (пожалованную) в 1182 году Гильомом Белоруким, графом Шампанским и архиепископом Реймссским. Она была дана населению города Бомона (*Bellus Mons*), расположенного на левом берегу Мёза (ныне департамент Арденн). Эта хартия известна под названием *Loi de Beaumont*, «Бомонского закона». Она получила широкое применение в восточной Шампани и во всей Лотарингии, покрыв более 500 местечек и городов этой области. Бомонский статут не утратил значения до великой революции. Всем содержанием своим он несет воздух лугов и полей в суровую каменную схему средневекового города.

Ирландские эмигранты в средние века (М. Шайтан)

De relinquenda vel docenda patria:
Prius docenda est patria, juxta exemplum Domini, relinquenda autem postea, si non proficiet, juxta exemplum Apostoli¹.

Из ирландских канонов

I

Деятельность ирландцев на континенте служила не раз предметом научных изысканий. Если некоторые детали и общие выводы нуждаются еще в переработке, то основные суждения можно считать вполне установленными. Четкое письмо, изучение греческого языка и классической литературы, научные компиляции и развитие школьного дела, монашеское движение и каноническое право, поэзия и музыка, своеобразные философские системы и свобода критической мысли — все это лишь грубые определения того широкого поля культурной работы, которое столь славно избороздили и засеяли островитяне. Их роль в деле христианизации Европы была настолько очевидна, что и родина новых апостолов — «остров Иёра» греческих географов — преобразилась в средневековой традиции в «священный остров» или *insula sanctorum et doctorum* («остров святых и ученых»). Героический период деятельности ирландцев совпадает с эпохой каролингской монархии. В приготовленных, но еще не напечатанных работах автора этих строк была сделана попытка синтетической оценки культурной

¹ Перевод имеется далее в этой главе: «Сначала нужно стараться учить на родине по примеру господина, но, если это бесполезно, лучше покинуть ее по примеру апостола» (лат.). — Прим. изд.

Школьная жизнь в Париже XII века (Вс. Бахтин)

O tempora, o mores, o studia, o inquisitiones!¹

Alexander Neckam,
«De naturis rerum»

Кому удавалось попасть в Париж XII века, тот был вознагражден за труды долгого странствия картиной кипящей школьной жизни, которая открывалась перед ним. Город неизменно очаровывал своих гостей. В хрониках, в официальных документах, в научных трактатах, везде мы встречаем множество исполненных восторга и преклонения характеристик Парижа — отголосков впечатлений о нем. «Пришельцев, жаждущих знания, здесь ожидает мудрый Соломон, здесь отворяются житницы его перед теми, кто стучится ревностно. Стучащихся здесь так много, такое стечение бесчисленных клириков, что они едва не превосходят великого множества мирян. Счастлив город, где священные книги читаются с таким рвением, где сложнейшие загадки их разрешаются бьющей через край силой духа; где так велика ревность учителей и знание писания, что достойно может именоваться он, подобно Кириаф-Сефер, городом науки (*civitas litterarum*)». Так пишет в середине XII века о Париже Филипп Арвенский (Philippus de Harvengt) своему другу, который отправился ради учения в этот «желанный для многих Иерусалим, чтобы воочию убедиться в том, славу чего вкушал он еще издаече». Разбросанные повсюду похвалы Парижу, которые мы могли бы привести во множестве, говорят о том, как быстро вновь создававшийся школьный центр покорил себе весь латинский мир, наполнив его до самых отдаленных уголков

¹ «Какие времена, какие нравы! Какое рвение в изысканиях!»

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**